

«Истинная сила —
не в том, чтобы побеждать.
А в том, чтобы слышать
сердце врага
и выбрать его».

— Песнь Разбитых
Королевств

ЧАСТОТА
твоего
ПУЛЬСА

Нора Эллис

Нора Эллис

Частота твоего пульса

«Автор»

2026

Эллис Н.

Частота твоего пульса / Н. Эллис — «Автор», 2026

Сейди привыкла доверять цифрам. Данным. Алгоритмам. Поэтому, когда на фестивале поклонников её любимой книги высокий незнакомец в костюме Каэлина начинает спорить с ней о финале «Песни Разбитых Королевств», она решает, что больше никогда его не увидит. На следующий день Сейди выступает на научной конференции с проектом, над которым работала несколько лет. Именно тогда из последнего ряда поднимается знакомая фигура. Тот самый парень. Лиам. Умный. Невыносимый. Опасно наблюдательный. Когда проект Сейди получает шанс на финансирование, выясняется, что работать ей придётся именно с ним. Теперь между ними — одна лаборатория, один проект и слишком много часов рядом. А ещё книга, которую они оба когда-то полюбили. История, которая неожиданно начинает отражаться в их собственной жизни. Потому что иногда самые важные открытия происходят не в лаборатории. Иногда они начинаются с одного вопроса. И одного сердца, которое вдруг начинает биться чаще.

© Эллис Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Крылья из стекла	6
Глава 2. Вопрос из зала	14
Глава 3. Горький кофе	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Нора Эллис

Частота твоего пульса

Пролог

Если бы меня спросили год назад, где я буду стоять однажды апрельским вечером, я бы описала что-нибудь конкретное и разумное. Например: в лаборатории, у любимого стенда, с данными, которые наконец говорят то, что должны говорить. Или дома, с чаем и «Песнью разбитых королевств», открытой на той части, где Элара понимает что-то важное — медленно, почти против воли, как человек, который сопротивляется очевидному до последнего.

Я бы не сказала: в зале с тридцатью незнакомыми людьми, рядом с женщиной, который называет меня маленькой феей — и в этом больше нет ни грамма иронии.

Жизнь, как выяснилось, не очень хорошо слушает мои описания.

Меня зовут Сейди Чён. Мне двадцать восемь лет, я инженер-исследователь, я делаю биометрические датчики и читаю фэнтезийные книги в четыре ночи. Это три самых важных факта обо мне — в любом порядке.

История, которую я хочу рассказать, начинается на Комик-Коне. Она начинается с крыльев из органзы и хрустальных кристаллов и с незнакомца, который знал, в какой главе Каэлин молчит вместо ответа.

Она заканчивается — ну. Она заканчивается в апреле. Там, где стою я сейчас.

Но сначала — крылья.

Сначала — Комик-Кон.

И прежде чем я расскажу, как всё сложилось, я должна рассказать, как всё едва не рухнуло.

Потому что между этими двумя точками — не просто история любви. Там ещё была угроза. Та, о которой я не знала в начале и которая пришла тихо, как ночная утечка данных через чужой сервер. Которая могла уничтожить три года работы. Которая потребовала от нас обоих — от меня и от Лиама — выбора.

Я расскажу вам всё. Начиная с крыльев.

Глава 1. Крылья из стекла

«В начале была тьма. Потом — маленький свет в ней, который не просил разрешения существовать».

«Песнь разбитых королевств», часть первая

Гул огромного выставочного павильона стоял сплошной звуковой стеной: обрывки чужой электронной музыки из разных колонок, усиленные микрофонами голоса ведущих, шелест сотен шагов и пластиковый стук бутафорского оружия. Воздух пах озоном, разогретым на софитах пластиком, сладкими энергетиками и человеческим потом. Я перенесла вес с одной ноги на другую, чувствуя, как ноет поясница. Жёсткий корсет платья не давал сутулиться, а четыре килограмма самодельных крыльев за спиной постоянно тянули плечи назад, заставляя мышцы шеи каменеть от напряжения.

— Привет, маленькая фея.

О, Боже. Очередной мастер подкатов. Как оригинально. Спасибо, что не «твои родители случайно не ангелы», хотя подожду, может будет продолжение.

Я зажмурилась на секунду, чувствуя, как под слоем плотного сценического макияжа стягивает кожу. Мои глаза закатились к самому потолку, расчерченному серыми металлическими балками. Ещё один подобный заход, и они останутся там навсегда.

Я сжала челюсти. Не буду реагировать. Хотя голос прозвучал внушительно — низкий, плотный баритон, чётко прорезавший окружающий шум. Он завис в душном пространстве на секунду дольше необходимого, заставив слух зацепиться за бархатную хрипотцу. В другом месте, в другое время и без этой заезженной пикаперской фразы я бы, возможно, даже обернулась с интересом.

Мимо протиснулся парень в громоздком поролоновом костюме космодесантника, едва не задев меня огромным наплечником. Я сделала шаг в сторону, упёршись бедром в жёсткий край выставочного стола. Вокруг толпились взрослые люди с накладными эльфийскими ушами, в тяжёлых плащах, перепачканные бутафорской кровью. Они тратили месяцы жизни на детализацию вышивки, которая в обычном офисе вызвала бы лишь непонимание. Толпа увлечённых чудиков. И я — часть этой толпы.

Я скрестила руки на груди, плотная ткань платья зашуршала. Игнорировать.

Мой взгляд упал на подвеску, лежащую на бархатной подложке стенда справа. Раздражение немного отступило, вытесненное профессиональным любопытством: мозгу требовалось переключиться на анализ формы.

Многогранный прозрачный кристалл. Свет галогеновых ламп преломлялся в нём, отбрасывая на чёрный бархат острые синие и фиолетовые блики. Пальцы сами потянулись к украшению. Металл цепочки охлаждал влажную от духоты кожу.

Вещь оказалась обманчиво лёгкой. Не пластик. Поверхность отзывалась под подушечками пальцев твёрдостью закалённого стекла, хранящего внутри огромное структурное напряжение формы. Я поднесла кристалл ближе к лицу, щурясь. Сегодня я оставила очки дома ради образа, и теперь зрение подводило меня на мелких деталях. Я наклонила подвеску под другим углом.

В самом центре прозрачной толщи скрывалось миниатюрное хромированное сердце. Тоже гранёное. Секретный механизм внутри оболочки. Внешние грани кристалла покрывало тончайшее металлическое напыление. Ювелирная точность. Я невольно задержала дыхание, чтобы не сбить фокус зрения, рассматривая пайку. У создателя этой вещи невероятно талантливые руки.

Стенд принадлежал издательству, выпустившему «Песнь разбитых королевств». Назвать эту книгу любимой — значит ничего не сказать. Я проглотила её, перечитывала, затирая страницы, просто чтобы продлить существование в том мире.

Кристалл в моей руке был точной копией того, что Каэлин преподнёс Эларе.

Губы сами растянулись в улыбке. Шум Комик-Кона отступил на задний план. Я смотрела на прозрачные грани, а видела холодный каменный пол тронного зала. Звон отброшенного тяжёлого меча. Каэлин лежит на спине, лезвие короткого клинка Элары упирается ему в горло. Он убирает руки от оружия. Сдаётся. Спокойный, уверенный взгляд, признающий её право на победу.

И Элара. Тяжело дышащая, с растрёпанными волосами, стоящая над ним с мечом в руке.

Я ярко представила сцену их перемирия перед её двором. Каэлин опускается на одно колено, протягивая ей этот самый кристалл. Знак признания её силы. Вдоль позвоночника пробежал холодок от реальности этой картинки в моей голове.

— Поклонница Элары?

Металлическая цепочка дёрнулась в пальцах.

Голос ворвался в мои мысли, грубо разрушив выстроенную тишину тронного зала. Иллюзия рассыпалась в пыль. Я моргнула, снова ощущая запах озона и слыша грохот басов из соседнего павильона. Я стояла у стола с мерчем, пальцы сжимали стекляшку, а сзади кто-то ждал ответа.

Спасибо за возвращение в реальность, незнакомец.

Я медленно выдохнула через нос. Развернулась на каблуках, готовая выдать заготовленную хлесткую фразу, призванную отправить пикапера искать удачи у стенда с аниме.

Слова застряли в горле.

Вместо ожидаемого гика в мятой футболке мой взгляд уткнулся в грудь. В широкую мужскую грудь, обтянутую плотной чёрной рубашкой. Поверх ткани сидела тёмная броня. Материал мастерски имитировал колотый камень — матовый, с глубокими тенями в искусственных трещинах. Я инстинктивно подняла голову выше.

Тёмные волосы пребывали в том состоянии идеального беспорядка, когда человек просто проводит по ним рукой и забывает о расчёске. Лицо с резкими, скульптурными линиями скул. Прямой нос.

Гневная тирада потеряла половину своей энергии.

Я заставила себя посмотреть ему прямо в глаза. Тёмно-карие радужки смотрели в ответ с откровенной насмешкой. Возле уголков глаз собирались тонкие лучики морщинок. Линия губ искривилась в асимметричной ухмылке. Он стоял расслабленно, перенес вес на одну ногу.

Я слотнула сухость. Бравада стремительно испарялась, но я упрямо вздёрнула подбородок.

— Очень оригинально, — процедила я, вкладывая в тон всё доступное мне презрение. Вышло немного сдавленно.

Я громко цокнула языком и начала отворачиваться обратно к стеклянной витрине.

— Оригинально что? — Его голос прозвучал мягко, почти лениво, но с явным весельем. — Назвать тебя поклонницей Элары?

Я замерла. До меня дошла суть шутки. Я стою прямо под огромным рекламным баннером «**Песни разбитых королевств**», на плакате герои, я держу в руках сюжетный артефакт. Вывод о моих литературных вкусах не требовал дедукции уровня Шерлока.

Но меня задело другое. Меня задела «*маленькая фея*».

Дешёвый, заезженный оборот. Я резко развернулась обратно. Тонкая проволока каркаса больно впилась в лопатку под тканью платья.

— Оригинально про «маленькую фею», — ядовито ответила я. Лицо стянуло от гримасы недовольства. — Ты из двухтысячных сбежал? Где ты откопал эти пикаперские подкаты молодости твоего деда?

Где-то справа ослепительно сверкнула вспышка фотоаппарата. Белый свет мазнул по его каменной броне, выхватил фактуру моей органзы и исчез, оставив перед глазами плавающие цветные пятна.

Я дышала слишком быстро. Грудная клетка часто поднималась и опускалась, корсет безжалостно сдавливал нижние рёбра. Усталость накрывала волной: я на ногах с пяти утра. Завершила пайку контактов, укладывала волосы, клеила тяжёлые накладные ресницы. Мы с Ханной потеряли друг друга в этой людской мясорубке ещё час назад. Голова начинала противно пульсировать в висках.

— Или, может, это из-за того, что я маленького роста? — выпалила я, не в силах остановить поток возмущения.

Я захлопнула рот, плотно сжав губы, и уставилась на него, ожидая, что он наконец извинится и исчезнет.

Но он не исчез.

— Ммм, — протянул он. Низкий звук завис между нами.

Он не выглядел смущённым или опешившим. Он чуть прищурился, внимательно рассматривая моё плавающее лицо. Затем медленно наклонил голову вбок.

— Ты спрашиваешь, почему я назвал тебя феей. — Он произнёс это не как вопрос. Интонация взрослого, пытающегося подтолкнуть запутавшегося школьника к очевидному ответу. Улыбка стала шире.

Затем он демонстративно перевёл взгляд за моё левое плечо. Потом за правое. Опустил глаза к подолу моего платья, задержался на ногах и снова посмотрел мне в глаза.

До меня дошло.

Я мысленно с размаху ударила себя ладонью по лбу. «Сейди, ты в костюме феи».

Я сама его сделала. Три месяца работы. Прозрачные крылья, расшитые кристаллами, выступающие за спиной на полметра с каждой стороны. И белые босоножки, ремешки которых я тоже вручную оклеила стразами.

Это не было тупым подкатом. Это была простая констатация моего внешнего вида. Мои щёки вспыхнули.

Я создавала Элару дотошно. Вставала в субботу в восемь утра, расчищала рабочий стол от инженерных чертежей и микросхем, раскладывала мотки жёсткой проволоки. Я сидела до обеда, сгибая неподдатливый каркас пассатижами, пока на указательном пальце не лопалась мозоль. Я перерывала технические форумы в поисках оптимального сплава, который выдержит вес стеклянных страз, но не сломает мне позвоночник.

Мой костюм весил четыре килограмма. При малейшем повороте корпуса органза ловила свет ламп, отбрасывая на пол дрожащие солнечные зайчики. Дома, стоя перед узким зеркалом в коридоре, я чувствовала себя полной идиоткой. Ровно до того момента, пока не расправила плечи и не увидела Элару.

В книге у фей крылья абсолютно декоративны. Они не могут летать. Рудимент эволюции. Беспольный, тяжёлый, красивый придаток. И Элара входила с ними в зал военных советов, не извиняясь за свою природу. Маленькая женщина с бесполезными крыльями, обладающая самым острым стратегическим умом в королевстве.

В обычной жизни я инженер. Я пишу код, анализирую массивы данных, ищу аномалии в сигналах. В моей жизни нет места нефункциональным вещам. Но сегодня я прицепила к спине стекло и металл, чтобы позволить себе быть кем-то другим.

— Финальная сцена оправдала ожидания? — Его голос выдернул меня из рефлексии.

Он протянул руку и взял книгу с витрины. Его кисть прошла в сантиметре от моего правого крыла. На обратном пути плотная ткань его рукава задела край органзы. Мелкие кристаллы издали тихий, мелодичный перезвон. Блики света затанцевали по его тёмной броне.

И только в этот момент я посмотрела за его спину.

Крылья. Массивный, угловатый каркас. Жёсткие перья из матового полимера с глубоким синеватым отливом на свету.

Каэлин.

Дизайн не оставлял сомнений. Только в «Песни» у захватчиков с севера были такие тёмные, тяжёлые крылья из неизвестного минерала.

Он держал книгу обеими руками. Длинные, уверенные пальцы с аккуратными ногтями. Перелистнул несколько страниц, не вчитываясь в текст — машинальный жест человека, отлично знающего содержание.

— Это зависит от того, чего вы ожидали, — ответила я. Мой голос обрёл привычную твёрдость. Включилась «Сейди-инженер». Я расправила плечи, игнорируя боль в пояснице и тяжесть конструкции. Парень оказался вежливым, он просто поддерживал беседу. О книге. Моей любимой книге.

— Того, чего автор явно не планировал давать читателю, — произнёс он. В его тоне отсутствовало осуждение. Чистая констатация факта с примесью иронии. Он чуть склонил голову, наблюдая за моей реакцией.

Внутри меня моментально вспыхнула защитная реакция. Финал книги расколол фанатское сообщество пополам, и я провела не один час на форумах, методично, с цифрами и цитатами, уничтожая аргументы недовольных.

— Финальная сцена идеальна, — отрезала я.

Я дышала ровно, но ноздри чуть расширились. Лицевые мышцы напряглись, удерживая вежливую маску. «Это не личное оскорбление, Сейди, это просто чужое мнение», — напомнила я себе.

— Финал — это трусливый уход от ответа на вопрос, который выстраивался четыреста страниц, — он аккуратно захлопнул томик и положил его обратно на стенд. — Да, они заключили военный союз. Логично. Но что делать с тем напряжением, которое между ними росло? Автор просто захлопнул дверь перед носом.

Я втянула сухой воздух сквозь зубы.

— Автор оставил право ответа за читателем. — Я чеканила каждое слово, делая строгие микропаузы. — Потому что это не нужно проговаривать. Есть вещи, которые существуют и имеют вес именно потому, что их не превращают в банальные декларации.

Я намеренно говорила тише, демонстрируя полное спокойствие, но парень улыбнулся ещё шире. Моё контролируемое бешенство явно его забавляло.

— Звучит красиво, — парировал он с интонацией, предвещающей разгромный аргумент. — Но это отличный способ защитить писателя от критики. Любую сюжетную недоработку можно назвать художественной недосказанностью.

Он перевёл взгляд на плакат с Эларой за моей спиной.

Под рёбрами разлилось знакомое горячее чувство упрямого азарта. Мозг переключился в режим отладки: передо мной была логическая ошибка, которую требовалось исправить.

— Каэлин в третьей главе двадцать второй части говорит Эларе: «Некоторые вещи меняются тихо». Это не случайная фраза. Это авторский ключ к пониманию финала их арки.

Он снова посмотрел на меня. Прищурился, сканируя моё лицо с новым, более цепким интересом.

— Двадцать вторая часть, третья глава, — задумчиво повторил он. — Вы цитируете с указанием номеров глав.

Да. Я цитирую.

Свой экземпляр «Песни» я купила на блошином рынке. Истрёпанная обложка, пожелтевшие страницы, чьи-то неразборчивые карандашные заметки на полях. Мне было двадцать два, я только переехала в чужой город. Денег хватало впритык на оплату крошечной однушки и дешёвые макароны. Я увидела на обложке маленькую женщину с крыльями, стоящую с неестественно прямой спиной, и отдала за книгу последние монеты из кармана.

Элара выживала не за счёт физической силы. Она выживала за счёт аналитики. Она видела систему целиком и была в самую слабую точку. Я читала её историю до четырёх утра, сидя на полу у холодной батареи, кутаясь в колючий плед и согревая руки о кружку с остывшим чаем.

А потом появился Каэлин. Захватчик. Враг. Я ненавидела его первые двадцать глав совершенно искренне. А к середине книги поняла, что ошиблась в расчётах. Как и сама Элара.

Их история не была стандартной романтикой. Это была история о том, как два рациональных человека выбирают доверие вопреки математике войны. Для меня, привыкшей измерять мир в байтах и герцах, этот сюжет стал якорем.

— Я помню то, что имеет значение для структуры, — ответила я, не отводя взгляд.

— Тогда вы обязаны помнить, что спустя ровно шесть страниц Элара отвечает ему: «Всё самое важное в итоге говорится вслух». — Он сделал шаг ближе, вторгаясь в моё личное пространство. Запах его парфюма — что-то древесное, с нотой чёрного перца — смешался с запахом пыли павильона. — И она не получает ответа.

Я сжала пальцы в кулаки. Ногти впились в ладони. Я прекрасно помнила этот момент. Элара тогда смотрела в окно, а не на него.

— Это не опровержение моего тезиса, — я вздёрнула подбородок ещё выше. Задняя поверхность шеи затекла от неудобной позы. — Это демонстрация внутреннего конфликта. Элара привыкла требовать чётких формулировок. Каэлин отвечает действиями. Финальная сцена написана на его языке, а не на её.

Он замолчал. Внимательно изучал моё покрасневшее лицо. Уголок его губ дрогнул, и ухмылка трансформировалась во что-то похожее на признание. Спорщик оценил красивую подачу.

— Маленькая фея, — произнёс он вполголоса, глядя на сияющий каркас за моей спиной. В его тёмных глазах отразились блики моих страз. Он едва заметно кивнул, признавая качество моей инженерной сборки. — С аргументацией размером с тяжёлого боевого дракона.

Он перевёл взгляд обратно на моё лицо, и улыбка стала открытой.

Слово «маленькая» снова резануло слух. Да, во мне метр пятьдесят восемь. Это измеримый физический параметр. Но то, с какой мягкой, изучающей интонацией он это произнёс, заставило меня внутренне ошетиниться. Это пробивало мою выстроенную рабочую броню.

— Обычно ко мне так не обращаются, — произнесла я ледяным тоном, отступая на полшага назад. Белые босоножки скрипнули по выставочному линолеуму.

— Охотно верю, — он коротко кивнул. — А как обращаются? — быстро переходим к делу значит. Он смотрел прямо, ожидая ответа. Никакого смущения или попытки сгладить углы.

Переход от литературного спора к личному знакомству оказался слишком резким. Мой лимит социальных взаимодействий на сегодня исчерпался ещё час назад.

— Я Лиам, — продолжает, хоть я и не спрашивала. Что я и хочу озвучить, открывая рот. А после выдать вежливый, но твёрдый отказ.

Но звук не успеваешь вылететь из моего открытого рта.

— Сейди, вот ты где! — Ханна вынырнула из толпы косплееров, тяжело дыша.

В правой руке она сжимала массивную пластиковую серьгу. Её цепкий взгляд мгновенно просканировал пространство, зафиксировал дистанцию между мной и парнем в тёмной броне, отметил моё напряжённое лицо и сделал безошибочные выводы.

Она остановилась рядом, поправив сползающий ремешок кожаной сумки.

— Привет, — сказала Ханна абсолютно нейтральным, деловым тоном, переводя взгляд на него.

— Добрый день, — он ответил с той же лёгкой, доброжелательной улыбкой, чуть наклонив голову.

— Мне пора, — резко бросила я.

Пальцы разжались, оставляя кристальную подвеску на бархате стенда. Я круто развернулась. Проволока каркаса снова натянулась под платьем. Ханна, коротко кивнув ему на прощание, быстро пошла следом за мной, пробивая нам путь сквозь плотную, гудящую толпу эльфов и супергероев.

***

За исключением того самого спора о финале «Песни», Комик-Кон прошел на удивление чудесно. По крайней мере, я не развалилась на части, хотя к вечеру стопы ныли так, будто я всю дорогу шла не по бетонному полу павильона, а по битому стеклу. Плечи гудели от веса крыльев, а под слоем грима кожа начала предательски чесаться.

Мы бродили по рядам еще шесть часов. Это были шесть часов чистого, концентрированного безумия. Мы пробирались сквозь плотные толпы, лавируя между косплеерами в громоздких доспехах из EVA-пены, которые то и дело задевали мои крылья. Я постоянно извинялась, чувствуя себя огромным неуклюжим насекомым. Ханна, к моему искреннему восхищению, умудрялась сохранять свежий вид, хотя её наядовское платье постоянно норовило зацепиться за чью-то сумку.

На стенде с крафтом Ханна выторговала себе массивные серьги с имитацией драгоценных камней и открытку с акварельным осьминогом — тот смотрел с бумаги с таким философским выражением, будто познал все тайны мироздания. Я же нашла принт с Эларой. Маленький, на плотной матовой бумаге. Качество печати было отменным: глубокий черный, холодные оттенки синего, тонкие линии. Я бережно убрала его в пластиковый файл, стараясь не помять уголки, пока руки дрожали от легкого адреналинового отката.

Мы фотографировались с группой эльфов, которые оказались вполне земными парнями в кроссовках под балахонами. Мы съели по хот-догу у передвижного фургона, обжигаясь горчицей, и посмотрели выступление ростовых кукол. Это оказалось неожиданно трогательно: огромный плюшевый монстр пытался обнять маленького робота, и я вдруг поймала себя на том, что сглатываю подступивший к горлу ком.

Хотелось бы мне сказать, что о стычке с Лиамом (**произносит имя стервозным кривляющимся голосом*) я сразу забыла, но нет. Он то и дело попался на глаза.

Вот он — у стенда с настольными играми. Смеется так заразительно, что даже люди в очереди невольно улыбаются. Очевидно, он тут со своим другом, потому что они перебрасываются какими-то шутками с продавцом, хлопая того по плечу, будто знают друг друга целую вечность. Панибратство в чистом виде.

Чуть позже я вижу, как он позирует для фотографии с двумя девушками в мини-юбках и крошечными капроновыми крылышками за спиной. Возможно, это были феи, но их костюмы выглядели как попытка сэкономить на всем, кроме глиттера. Смею предположить, они команда — в лоре их произведения. Я лишь прикусила щеку изнутри, наблюдая, как он поправляет их крылья, чтобы те лучше смотрелись в кадре. Заботливый. Прямо тошнит.

А потом — он. Снова он.

Он стоял со стаканчиком кофе, серьезно глядя в телефон. Я стояла у фотобудки, слушая рассказ Хлои о механике какой-то инди-игры, к стенду которой мы собирались идти дальше. Я просто стояла, переминаясь с ноги на ногу, чувствуя, как затекает спина. В какой-то момент он резко поднял голову. Наши взгляды встретились. Прямое попадание.

Я не успела увести глаза. Была застигнута врасплох, как школьница, пойманная за списыванием на контрольной. Я не следила за ним специально — клянусь, это просто случайность и дурацкая работа периферийного зрения! — но теперь, судя по его довольной ухмылке, это выглядело как полноценная слежка. Его губы растянулись в медленной, тягучей улыбке, а затем он откровенно подмигнул.

Я дёрнулась, как от электрического разряда, и вжалась в очередь. Сразу отвернулась. Не демонстративно. Просто наша очередь к фотобудке почти подошла. Еще семь пар. И мы. Почти... Повернуться к нему я больше не рискнула, чувствуя, как уши начинают гореть предательским розовым цветом. Мое лицо, обычно такое непроницаемое, сейчас, наверное, выдавало меня с потрохами.

— Ты знаешь, что с тобой флиртовали? — голос Ханны прорезал гул метро.

Мы уже ехали домой. Вагон мерно покачивался, издавая ритмичный скрежет, который отдавался в висках. Крылья и весь костюм были на мне. Я закрепила их так надежно, что снять смогла бы только дома, совершив почти акробатический этюд с частью одежды.

В метро несколько человек оглянулись. Дети смотрели открыто — с той честной прямоотой, которая у детей еще не стала воспитанной вежливостью. Один мужчина напротив рассматривал кристаллы на моем платье с видом инженера, которому безумно интересна технология, но он смертельно боится признать это вслух.

Мне нравилось это. Нравилось быть чем-то, что люди замечают. Обычно меня не видят — не потому что я невидимка, а потому что я маленькая, хожу быстро и умею просачиваться сквозь людские потоки так, что они почти не расступаются. С крыльями — другое. С крыльями я занимала пространство. Я была объектом. И я, как ни странно, ловила кайф от этой нелепости.

Я посмотрела на Ханну непонимающе. Или сделала вид.

— Что?

— С тобой флиртовали, — это даже не вопрос. Она прислонилась головой к холодному пластику окна, и ее ракушки в волосах тихо звякнули.

— Кто? — следовало спросить «когда», потому что этого я тоже не понимала. Хотя кого я обманываю?

— Тот парень, у стенда с книгами.

Ах, вот о чем она. Кто бы сомневался.

Я не забыла Каэлина. Нет, Каэлин мне нравится — я люблю этого персонажа, он умный, уверенный, защищающий и справедливый. Лиам... ну, я его не знаю. Но вывести на спор он может мастерски.

— Нет, — сказала я, стараясь смотреть в окно на тоннельные мелькающие огни. Их было почти не видно из-за темноты, зато отчетливо были видны наши отражения в стекле.

Я фея с кристалльными крыльями, с диадемой, запутавшейся в моих каштановых, слегка вьющихся волосах. Клейкие стразы на лице, розовые и фиолетовые, отеняли мои голубые глаза, делая взгляд немного неземным — или просто усталым донельзя. Шифоновое платье с длинными рукавами не грело совсем. А к вечеру в метро стало прохладно. Подолом я щекотала коленки. Это было воздушное платье, с подкладкой из шелка и шифоновыми волнами сверху. Пояс был под стать крыльям, в кристаллах. Босоножки я передела в кеды еще час назад, запихнув их в сумку, иначе бы просто не дошла.

Ханна была в костюме Наяды — голубоватая ткань платья в пол, ракушки в длинных светлых волосах. Очень красиво. И, что немаловажно, практично: никаких крыльев, которые нужно было протискивать в двери боком, извиняясь перед каждым встречным.

— Ладно. — Она тоже посмотрела в окно, на нас. — Просто чтобы ты знала. — Улыбку ей скрыть не удалось. Она прикусила губу, глядя на мое отражение.

— Ханна. — Я хотела сказать упрекающе, но вышло устало. В горле першило от кондиционеров.

— Что?

— Он просто спорил о книге. — Так и было. Ханна романтик, она видит то, чего нет, и то, что хочет видеть. Она выискивает искры там, где есть только трение двух упрямцев.

Она повернулась ко мне. На ее лице было то выражение, которое я научилась читать за десять лет дружбы: полное отсутствие желания спорить при полном несогласии.

— Конечно, — со снисходительной улыбочкой сказала она.

Я сделала глубокий вдох и выдох. Не намерена спорить сегодня. Совсем. Я закрыла глаза, чувствуя, как подрагивает вагон под ногами.

Дома я сняла костюм, очень аккуратно, как хрупкий прибор, упаковала крылья в коробку. Приняла душ, смывая с себя весь Комик-Кон вместе с макияжем и чувством, что я — фея. В горячей воде мышцы наконец-то расслабились, отдаваясь приятным ноющим теплом. Я натянула пижаму, заварила чай и легла с книгой.

Открыла на двадцать второй части, третьей главе. Нашла ту реплику.

«Некоторые вещи меняются тихо», — сказал Каэлин и не смотрел на нее, пока говорил.

Я перечитала сцену целиком. Потом еще раз. Лиам был неправ насчет финала. Это факт. Но он правильно помнил страницы. И это бесило меня больше, чем его подмигивание. Потому что, если он помнил страницы так же хорошо, как и я, значит, он действительно читал. А это уже не просто спор. Это... что-то другое. И почему меня это вообще волнует?

Глава 2. Вопрос из зала

«Элара научилась задавать вопросы так, чтобы ответ на них не мог быть ложью».

«Песнь разбитых королевств», часть четвёртая

Я опоздала на четыре минуты.

Четыре минуты. В масштабах вселенной — ничто, в масштабах моей сегодняшней презентации — пропасть. Это была исключительно личная катастрофа, масштаб которой в огромном здании конференц-центра осознавала только я. Я выехала с запасом в сорок минут, рассчитывая на спокойную регистрацию и возможность проверить звук до начала сессии, но состав метро замер в тёмном тоннеле между станциями без всяких предупреждений.

Машинист упорно хранил молчание, двери оставались заблокированными, а мужчина напротив меня, прислонившись к дверям, безразлично листал ленту в смартфоне. Я физически ощущала, как время буквально утекает сквозь пальцы, пока я мертвой хваткой вцепилась в неприятно холодный металлический поручень. Ладони начали влажнеть, и под тонким джемпером по позвоночнику поползла неприятная капля пота. Я переступила с ноги на ногу, чувствуя, как начинают ныть мышцы поясницы.

Когда поезд наконец с лязгом выехал на станцию и двери разъехались, я выскочила на платформу первой, почти не глядя по сторонам. Каблуки моих туфель дробно и ритмично застучали по металлическим ступеням эскалатора. Когда я вылетела на улицу, дыхание уже сбилось, в горле першило. Я остановилась на секунду перед стеклянными вращающимися дверями комплекса, сделала глубокий вдох и с силой прижала язык к задней стенке зубов за плотно сомкнутыми губами. Эта старая уловка — переключить внимание тела на локальное мышечное напряжение — немного помогла унять предательскую дрожь в коленях и вернуть контроль над дыханием.

В просторном холле стоял гул: перемешивались голоса сотен людей, шум работающих кондиционеров и звон посуды из зоны кейтеринга. Воздух здесь был пересушен и пах озоном от десятков экранов. Я подошла к стойке регистрации под буквой «Ч», на ходу поправляя широкие брюки-палаццо, которые вечно норовили собраться складками, и съехавший ремешок сумки с ноутбуком. Лямка уже начала ощутимо давить на плечо, заставляя меня невольно перекоситься вправо.

Амфитеатр зала «А» был рассчитан на триста мест. Тёмный плотный ковролин жадно глушил шаги, и я почти бесшумно пробралась к середине зала. Красные кресла выглядели представительно, но когда я опустила на свободное место, пружинный механизм предательски скрипнул. Я тут же поерзала, пытаясь устроиться удобнее, и неловко задела носком туфли чужой рюкзак, стоявший в проходе.

— Простите, — прошептала я женщине справа, даже не взглянув на её лицо.

Я наконец достала блокнот, ощущая кончиками пальцев знакомую фактуру обложки. На сцене уже выступал докладчик. Свет мощных софитов бил сверху, выхватывая деревянную трибуну, из-за чего последние ряды аудитории тонули в густой тени. Я слушала вполуха, методично записывая удачные формулировки и делая пометки о реакциях аудитории: кто-то откровенно скучал, глядя в потолок, кто-то оживленно кивал. Край страницы загнулся под пальцем, я машинально расправила его, чувствуя, как гладкая бумага приятно скользит под кончиком ручки. Мои ступни в туфлях окончательно онемели, а во рту неприятно пересохло. Тело всегда так реагировало на публичное выступление: перераспределяло кровотоки, готовясь то ли бежать, то ли сражаться.

— ...таким образом, мы видим, что точность датчика падает при экстремальных нагрузках, — голос докладчика гулко отражался от стен.

За основной частью последовали вопросы. Я старалась фиксировать их в блокноте, отмечая суть, затем выступил ещё один спикер, и наступила моя очередь.

Когда модератор произнёс моё имя, я встала, одёрнула помявшийся джемпер и направилась к сцене. Деревянная трибуна оказалась массивной, с приятной, чуть шероховатой фактурой края, за который было удобно держаться. Я положила блокнот на наклонную полку, прикоснулась к микрофону и отметила качество поворотного шарнира: плавный ход, отличная сборка — инженерная часть мозга привычно оценила конструкцию. Зал передо мной превратился в размытое тёмное пятно из-за слепящего света прожекторов, но я заставила себя смотреть прямо в аудиторию, фокусируясь на центральных рядах.

Через две минуты ледяной холод в пальцах отступил. Я погрузилась в профессиональное спокойствие.

Я говорила о «Пульсе». О нашем алгоритме, который обрабатывал сигнал на самом устройстве, не требуя постоянной связи с облаком. О том, как мы синхронно снимаем ЭКГ, вариабельность сердечного ритма, микроизменения температуры кожи и кожно-гальваническую реакцию.

— Наша модель оценки стрессовой нагрузки анализирует комплексные паттерны, — произнесла я в микрофон, чувствуя, как голос обретает привычную уверенную плотность. — Цель устройства — оценить вероятность синкопального состояния и признаков критического переутомления до появления очевидных симптомов у пользователя.

Я нажала кнопку кликера, чтобы переключить слайд, но он не среагировал. Пришлось вдавить кнопку чуть сильнее, до заметного щелчка пластика, и только тогда график на экране за моей спиной сменился. Я сделала короткий глоток воды из стакана, стоявшего на трибуне, чтобы убрать сухость в горле.

Это была моя территория. Данные, тесты, модели и бесконечные таблицы, на которые ушли месяцы работы. Я скользила взглядом по рядам, которые видела без труда, отмечая мелкие детали: мужчина в очках с толстой оправой перестал листать программу и наклонился вперёд; кто-то в третьем ряду отложил телефон и начал делать пометки. Верхние ряды были погружены в полумрак, и с трибуны их почти не было видно, поэтому я избегала смотреть туда, концентрируясь на тех взглядах, которые могла различить.

— Существующие решения либо жертвуют точностью ради энергоэффективности, либо автономностью ради точности, — сказала я, опираясь руками о прохладные края трибуны. — Мы нашли третью позицию.

Последний слайд высветился на экране. По залу прокатилась волна аплодисментов, и по их плотности я поняла, что аудитория действительно слушала. Я позволила себе короткий кивок и шагнула чуть в сторону.

— Вопросы? — спросил модератор.

В воздух взметнулись несколько рук. Первые три вопроса были стандартными: производственная масштабируемость, регуляторные требования, возможность интеграции в больничные системы. Я отвечала чётко, ссылаясь на конкретные разделы нашей документации. В зале было душно, мощный кондиционер гудел где-то под потолком, и поток холодного воздуха периодически опускался прямо на мои плечи, заставляя кожу покрываться «гусиной кожей».

— Есть ещё вопросы? — модератор посмотрел в зал.

В самом последнем ряду, там, где свет софитов рассеивался и превращался в серую дымку, поднялась рука.

Мужчина встал. Из-за контрового освещения я видела только тёмный силуэт: высокий рост, широкие плечи. В том, как он поднялся с кресла — без лишней суеты — чувствовалась уверенность.

— Вы описываете алгоритм отсева шумов как ключевое конкурентное преимущество, — произнёс он.

Его голос был низким, с лёгкой хрипотцой, и он говорил так, будто каждое слово имело свой точный вес. Знакомая интонация мазнула по памяти, но мозг инженера уже переключился на обработку сути вопроса.

— Вы говорите о точности в клинических условиях, — продолжил мужчина, и гул зала мгновенно стих. — Но клинические условия контролируемы по определению. Какова точность оценки стрессовой нагрузки в условиях реального использования: физическая активность, термическая нагрузка, электромагнитные помехи от других носимых устройств?

Вопрос пришёлся ровно по тому месту, которое мы месяцами пытались стабилизировать в лаборатории. Человек в дальнем ряду прекрасно понимал, где именно ломаются подобные технологии при выходе в реальный мир. Три дня назад в лаборатории Элай предупредил меня, что полевые данные станут главной мишенью для критиков, но я отмахнулась из-за нехватки места на слайдах. Сейчас пришлось признать, что он оказался абсолютно прав.

Я снова прижала язык к зубам за закрытыми губами, собираясь с мыслями. Я знала ответ, потому что у меня были данные полевых тестов.

— Полевые испытания показали снижение точности модели на семь процентов при высокоинтенсивной физической нагрузке, — мой голос прозвучал ровно и профессионально, хотя я чувствовала, как напряглись мышцы шеи. — По остальным параметрам отклонение в пределах допустимого коридора. Данные есть, они не вошли в презентацию из-за лимита времени, но я готова их предоставить.

Он не стал спорить сразу. Силуэт чуть склонил голову набок, обдумывая услышанное. Эта пауза и этот наклон головы отозвались во мне острой вспышкой узнавания, будто дежавю.

— Семь процентов — это граничное значение для медицинского применения. Как вы планируете с этим работать?

— Мы работаем с этим уже сейчас, — я чуть вскинула подбородок, глядя прямо в тёмную фигуру. — Следующая итерация алгоритма включает адаптивную калибровку под двигательный паттерн пользователя. Предварительные результаты — снижение погрешности до трёх процентов.

— Когда? — вопрос прозвучал мгновенно, без раздумий.

— Через четыре месяца у нас будет достаточно данных для публичной демонстрации.

Он кивнул и сделал короткую пометку в своём блокноте. А затем начал садиться. В момент, когда его фигура опускалась на кресло, он повернулся вполборота к проходу, чтобы потянуть сиденье вниз, и рассеянный свет от дежурных ламп на полу на секунду мазнул по половине его лица.

Тёмные волосы. Знакомый профиль.

Воспоминание щёлкнуло безошибочно. Стенд с книгами. Тёмные крылья из почти чёрного каркаса. Спор о финале двадцать второй части.

Лиам.

Мои пальцы крепче сжали край трибуны, пока я переваривала этот факт, стараясь сохранить выражение лица каменным. У меня не было времени задерживаться на этой мысли, потому что модератор уже благодарил меня и объявлял следующего спикера. Я спокойно собрала блокнот, аккуратно задвинула микрофон и покинула сцену, чувствуя, как ноги стали ватными.

Хоть профессиональное спокойствие на меня и снизошло, после выступления мне остро требовалась передышка от зала и этих прожекторов. Я вышла через дверь возле сцены.

В коридоре было прохладно и пусто. Автомат с водой гудел компрессором у дальней стены, ритмично подрагивая. Я остановилась, чувствуя, как ремешок сумки врезается в плечо, и стянула его чуть ниже, поправляя воротник. Рядом со мной мужчина в мятом пиджаке с

громким пластиковым треском свернул крышку бутылки с газировкой. Этот резкий бытовой звук выдернул меня из задумчивости.

Я нащупала в сумке свою бутылку воды. Она уже не была такой холодной, какой я её купила, вокруг неё по подкладке сумки скопился конденсат. Я отпила немного и подняла голову. Напротив автомата, у входа в следующий зал, стоял высокий спонсорский баннер. Синий логотип инвестиционного фонда, а на регистрационном столике рядом — нераспечатанная стопка синих лент для бейджей. Точно таких же, как те, что выдавали на входе представителям венчурных компаний.

Память инженера сработала автоматически, вытаскивая визуальный фрагмент минутной давности: когда мужчина в дальнем ряду сел на место, на его груди мелькнула точно такая же синяя полоска.

Значит, парень с Комик-Кона пришёл сюда не как студент и не как разработчик соседнего стартапа. Он пришёл изучать проекты. Оценивать риски. Слушать цифры.

Как интересно получается. Папа бы сказал: «Как тесен мир». Сейчас я бы с ним согласилась.

Телефон в кармане брюк коротко завибрировал.

Я достала его, касаясь экрана прохладными пальцами. На экране светилось сообщение от Ханны: «*Как прошло?*»

Я быстро набрала: «*Нормально*».

Это было чистой правдой. Я ответила на сложный технический вопрос, я защитила свои данные. Доклад состоялся.

Я заблокировала телефон, перекинула сумку на другое плечо и толкнула тяжёлую дверь, возвращаясь в зал, где только что выступал человек, который, похоже, решил проверить мой алгоритм на прочность.

Глава 3. Горький кофе

«Ожидание — это отдельный вид работы. Ему просто не учат».
«Песнь разбитых королевств», часть вторая

Две недели после конференции — такой особый тип времени. Оно не тянется, не летит: оно существует параллельно с тобой, тяжелое и вязкое, пока ты ждёшь решения, которое от тебя совершенно не зависит. Я чувствовала это ожидание почти физически — в пересушенном воздухе лаборатории, который раздражал слизистую носа, в навязчивом, циклическом гуле серверов, который, казалось, резонировал с моей собственной тревогой, заставляя виски слегка пульсировать.

Комитет по финансированию рассматривал заявки от восемнадцати проектов. Наш был одним из них. Это была просто статистика, сухие цифры, а не трагедия мирового масштаба — мне удавалось удерживать этот холодный, отстранённый взгляд примерно восемьдесят процентов рабочего времени. Оставшиеся двадцать я тратила на бесконечный пересчёт бюджета, мысленное переписывание вводных абзацев заявки и вопрос «что, если» в его самых деструктивных и бесполезных вариациях. Я сидела за своим столом, уставившись в монитор, где ряды цифр и графики расплывались в серые пятна, и неосознанно крутила на пальце тонкое кольцо — привычка, которая всегда выдавала мою внутреннюю лихорадку. Кожа под кольцом покраснела от постоянного трения.

Элай подошёл к моему столу в среду, с кружкой кофе, которую поставил передо мной без спроса. От керамики шёл густой пар, пахнувший пережаренными зёрнами и офисной рутинной, смешанной с чем-то металлическим.

— Ты пьёшь уже четвёртую сегодня, — сказал он, облакачиваясь на косяк. — Это плохой знак?

Я перевела взгляд с экрана на его руки. Элай знал, что я перестаю считать чашки только в периоды глубокого стресса. Я выпрямила спину, чувствуя, как хрустнул позвонок между лопатками, и потянулась к кружке, обжигая пальцы.

— Это статистически недостаточная выборка, — отозвалась я, делая маленький глоток. Горячая жидкость обожгла язык, и я поморщилась.

Элай Накамура был моим коллегой уже три года — немного взъерошенный, с привычкой думать вслух, которая сначала раздражала, а потом стала неотъемлемой частью нашего рабочего пейзажа.

Это человек, который поверил в меня: молодую низкорослую аспирантку, пришедшую к нему с сырыми идеями. Вместе с ним мы довели эти мысли до ума и начали работу над «Пульсом». Хотя он и руководил нашей группой, профессорское прошлое помогало ему работать с нами как с равными. Вся наша группа — восемь человек, небольшой, но сплочённый стартап, выросший из университетского исследования. Теперь мы гордо звались Pulse Dynamics и арендовали лабораторию в университетском парке.

На нём была его вечная серая толстовка с растянутыми манжетами, а за ухом, как всегда, торчал карандаш, готовый к работе. Он занимался алгоритмической частью нашего проекта: написал первый вариант фильтра шумов и убедил меня, что адаптивная калибровка возможна раньше, чем я была готова в это поверить.

— Они скажут «да», — сказал он, засовывая руки в глубокие карманы толстовки и переминаясь с ноги на ногу.

— Ты не знаешь этого.

— Нет. Но у нас лучшие данные в подборке. Я видел другие заявки.

Я замерла, так и не донеся кружку до губ. На секунду в кабинете стало неестественно тихо, слышно было только гудение кондиционера.

— Ты не должен был видеть другие заявки, — сказала я, чувствуя, как внутри всё сжалось. Это ведь конфликт интересов, даже если бы его допустили к документам как эксперта, он был заинтересованным лицом. Надеюсь, это не всплывёт. Иначе мы можем забыть о финансировании навсегда.

— Не должен, — согласился он без тени раскаяния, лишь слегка приподняв брови. — И всё равно — у нас лучшие данные.

Я решила, что лучше промолчу. Пусть так. Он ответственный человек, и всегда был осторожен, если дело касалось репутации проекта.

Я сделала еще глоток. Кофе был горьковатым — Элай всегда делал его чуть крепче, чем нужно, — но тёплым. Это было именно то, что мне требовалось в среду, в половине четвёртого дня. Тепло начало медленно разливаться по грудной клетке, немного ослабляя зажим, который сдавливал лёгкие последние несколько часов.

В пятницу вечером Ханна утащила меня в кофейню на углу нашей улицы — маленькое место с шершавыми деревянными столами и светом такой степени теплоты, который делал всё окружающее чуть менее тревожным. За окном сгущались синие сентябрьские сумерки, а внутри пахло корицей, молотым зерном и уютом. Мы взяли латте, Ханна заказала ещё пирог с черникой и разрешила его пополам без лишних слов, аккуратно отодвинув в сторону вазочку с сухими цветами, чтобы освободить место.

Ханна и я познакомились на первом курсе университета, в бесконечной очереди в столовую. Она стояла передо мной и читала книгу, держа поднос в одной руке и том в другой, умудряясь делать это без единого столкновения с окружающими — что при очереди в двадцать человек было маленьким подвигом. Я помню тот запах влажных шерстяных пальто и дешёвого супа, в котором Ханна выглядела совершенно инородным, прекрасным элементом.

Я попросила её подвинуться, потому что мне нужно было забрать свой поднос. Она отошла, не отрывая взгляда от страницы, и бросила: «Извини, тут хорошее место».

Это было всё. Начало дружбы.

Ханна была человеком, который умел полностью уйти в книгу и при этом оставаться в мире. Редкий навык — большинство людей либо читают и выпадают из реальности, либо читают и не успевают уйти никуда. Ханна делала и то, и другое одновременно.

Я завидовала этому. У меня с книгами было иначе: я или читала, или жила. Одновременно не получалось. Я всегда погружалась так глубоко, что реальный мир превращался в нечёткие, серые декорации.

За десять лет дружбы Ханна видела меня в самых разных состояниях. Она видела меня в первый год аспирантуры, когда я почти не спала и питалась преимущественно кофе и чем-то в коробочках из автомата. Мои глаза тогда были красными, а пальцы вечно подрагивали от переизбытка кофеина. Видела меня, когда первый грант закрылся раньше, чем проект успел заработать, и я три дня не выходила из квартиры, завернувшись в старый плед, как в кокон. Видела меня, когда что-то начинало работать — по-настоящему работать, не на бумаге, — и я звонила ей в одиннадцать вечера только чтобы сказать об этом вслух, захлёбываясь от восторга.

Она каждый раз приходила. Или приезжала. Или писала в три ночи именно тогда, когда нужно было услышать что-то человеческое.

— Расскажи мне про датчик, — сказала она, обхватив свою чашку ладонями и внимательно глядя на меня.

Хоть она неправильно его назвала — *«носимый биометрический сенсор раннего выявления стрессовых и предобморочных состояний»* — суть была не в названии. Я посмотрела на неё. Ханна работала дизайнером интерфейсов и обычно вежливо пропускала мимо ушей технические детали моей работы — не из равнодушия, а из честности: она знала, что не сможет

оценить то, чего не понимает, и предпочитала не делать вид. Сейчас она смотрела с такой концентрацией, что я невольно выпрямилась.

— Зачем тебе? — спросила я, ковыряя вилкой край пирога. Металл звякнул о керамику тарелки.

— Потому что ты неделю ходишь с таким лицом, что мне хочется или обнять тебя, или встряхнуть. И я подумала, что лучше сначала разобраться, чего именно ты боишься.

Я отправила в рот кусочек пирога. Черника была кисловатой, хорошей. Её вкус на мгновение переключил моё внимание с внутренних страхов на реальность, на текстуру теста, на тепло чашки.

— Я не боюсь, — сказала я, медленно катая языком по нёбу кусочек выпечки.

— Сейди. — Голос звучал укоризненно. Я подняла взгляд. Так и есть, она видела меня насквозь.

— Я беспокоюсь. Это другое. — Я отставила тарелку и скрестила руки на груди, неосознанно защищаясь от её пронизательности.

— Ладно. Беспокоишься о чём?

О том, что три года работы могут упереться в решение людей, которые понимают в инвестициях больше, чем в биосенсорике. О том, что семь процентов погрешности при нагрузке — критическое значение, и Лиам (тот самый с Комик-Кона — теперь я называла его так в голове, когда снова и снова прокручивала своё выступление) был прав, задав этот вопрос. И именно это мешало мне, а не его правота сама по себе. Его силуэт и голос в тот момент — сосредоточенные, серьёзные — всплыли в памяти так ярко, что я на секунду зажмурилась, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. О том, что следующая итерация алгоритма требует ресурсов, которых у нас пока нет, и без финансирования мы будем делать её в три раза дольше, буксуя на месте.

— О том, достаточно ли хорошо я объяснила, почему это важно, — сказала я, глядя в окно. На стекле отражался свет лампы, создавая иллюзию звёзд в пустоте. Это то, что грызло меня все эти недели. Руминирующие мысли в голове: «а что если надо было делать упор на этом, а что если надо было сказать так» — не давали покоя ни днём, ни ночью.

Ханна смотрела на меня с той тщательностью, с которой она изучала сложные технические задания от заказчиков — пытаюсь понять, что именно говорится, а что стоит за этим фасадом. Она чуть прищурилась, изучая мой профиль.

— Ты хорошо объяснила, — сказала она. — Я была на двух твоих презентациях. Ты всегда хорошо объясняешь.

— Одна хорошая презентация не равна правильному решению комитета.

— Нет. Но это то, что от тебя зависело. Остальное — нет. — Она взяла кофе и сделала глоток, не сводя с меня глаз. — Кстати. Ты говорила, тот тип с Комик-Кона... он был там? На конференции?

Пауза была на полсекунды короче, чем мне хотелось бы. Я почувствовала, как к щекам приливает тепло. Почему-то. С чего бы это?

Я приписывала парню, задавшему нужный вопрос, слишком значимую роль. Его вопрос был хорош и точен, может, он заинтересован нашим проектом? Может, он донесет информацию до начальства и нам дадут финансирование?

— Да, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально буднично, глядя в кружку, будто там скрыта тайна мироздания.

— И?

— И задал хороший вопрос. Технически грамотный.

— Он задал хороший вопрос, — медленно проговорила Ханна, и в её глазах заплясали лукавые искорки. — А краснеешь ты почему?

Это мне и самой интересно. В парне ничего особенного. Я буквально видела его полтора раза в жизни: на Комик-Кона, где он взбесил меня неправильным толкованием финала любимой книги, и в полумраке конференции, где он задал правильный вопрос. Но почему-то его образ всплывал в голове чаще, чем хотелось бы.

А, и да, он мне снился. Я думаю, на фоне усталости, переживаний о проекте, подобный сон вполне мог присниться. Почему я краснею, спрашивает Ханна? Ну, сон был... не совсем обычный.

Не было остальных слушателей, не было микрофона и необходимости оправдываться за статистические погрешности. Был только полумрак и он. Лиам стоял так близко, что я чувствовала жар, исходящий от его тела, хотя он не касался меня — ни пальцем, ни даже рукавом пиджака.

Я всё ещё была на сцене и пыталась собраться с мыслями для ответа на его вопрос. Он смотрел на меня сверху вниз. Он высокий. За спиной — чёрные крылья. А я всё та же Сейди с конференции.

— Сейди... — его голос прозвучал низко, бархатно, едва вибрируя в тишине. Я физически ощутила, как его дыхание коснулось моей щеки, заставив кожу покрыться мурашками. — Твои семь процентов... ты уверена, что это погрешность, а не нечто большее? — крылья за его спиной сделали ленивый взмах, и меня окатило волной воздуха.

Он наклонился ещё ближе, и я замерла, боясь вдохнуть. В его голосе не было иронии, только странная, почти пугающая интимность. Он произносил слова так медленно, что каждое из них отдавалось у меня где-то внизу живота, заставляя пульс сбиваться с ритма. Я чувствовала, как его присутствие обволакивает меня, лишая способности мыслить рационально, оставляя лишь обострённое, почти болезненное желание сократить это последнее, крошечное расстояние...

Я проснулась в то утро в поту. И в абсолютном ошеломлении на собственный мозг. Да, я вспоминала конференцию часто. Да, я переживала. Да, Лиам внешне был в моём вкусе. Внешне. Но выдавать такое...

Я проигнорировала вопрос Ханны. Скорее всего, она сочтёт это волнением и нежеланием будоражить тему проекта. А я умолчу о таком предательстве собственного подсознания, и убежусь от ещё большей красноты и стыда.

— Ладно, — сказала она в итоге, оставляя эту тему. Но её «ладно» прозвучало с тем тоном, который означал: «я знаю тебя и вижу насквозь».

Она пила кофе, очень невинно, с тем выражением лица человека, который в жизни никого ни в чём не обвинял, но при этом знает какую-то очень забавную тайну.

Я съела оставшийся кусок пирога, чувствуя, как сладость оседает на языке, притупляя тревогу.

— Мне нужно закрыть семь процентов, — сказала я, сжимая вилку в пальцах. — Адаптивная калибровка. У нас предварительные результаты дают три.

— Звучит хорошо.

— Да. Хорошо.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться, — сказала Ханна, мягко накрыв мою ладонь своей. Её кожа была прохладной и сухой.

— Я не беспокоюсь.

— Конечно. — Она поставила кружку на стол с тихим, финальным стуком.

Мы досидели до закрытия кофейни. Ханна рассказывала про сложный проект — корпоративный сайт с требованиями, которые противоречили друг другу на уровне технического задания, — а я слушала, кивала и иногда задавала уточняющие вопросы. И это было хорошо: конкретные чужие проблемы всегда немного вытесняли абстрактные, размытые свои. Мы

вышли на улицу, когда фонари уже горели ровным жёлтым светом, и прохладный вечерний воздух ударил в лицо, окончательно протрезвляя.

Дома я открыла ноутбук и просмотрела полевые данные ещё раз. Семь процентов при нагрузке. Три — в следующей итерации. Мы это закроем. Я это знала. Свет от экрана отражался в моих очках, а за окном шелестел ночной дождь, барабанил по подоконнику.

Я закрыла ноутбук и взяла книгу. Она была тёплой на ощупь, пахла старой бумагой и приключениями.

«Некоторые вещи меняются тихо», — сказал Каэлин.

Иногда я думаю, что он говорил не о королевствах. Я долго смотрела на эту строчку, пока слова не начали двоиться в глазах от усталости.

***

Ожидание решения — это работа. Она так не называется, она нигде так не обозначается, в резюме её не пишут и в рабочие планы не включают. Но это работа: держать уровень функциональности, пока часть тебя ждёт снаружи рабочего контекста. Это состояние постоянного напряжения в плечах, которое не проходит даже во сне.

В те две недели я работала в три раза тщательнее, чем обычно. Это была компенсация: если результат за пределами контроля, я делаю то, что в моём контроле, хорошо. Протоколы — чисто. Данные — проверены дважды. Документация — обновлена до последней запятой. Мой стол сиял непривычной чистотой, всё было разложено по папкам, цветам и категориям.

Адам заметил на пятый день второй недели ожидания. Он стоял за моей спиной, глядя в мой монитор, и я чувствовала его тяжёлый взгляд, от которого между лопатками неприятно покалывало.

— Ты в третий раз обновляешь один и тот же файл, — сказал он.

— Я добавила примечание. — Я не оборачивалась, сосредоточенно печатая. Клавиши щёлкали под пальцами слишком громко в тишине кабинета.

— Маленькое?

— Существенное.

— Покажи.

Я показала, чуть отодвинувшись на стуле, чтобы он мог видеть экран. Колёсико кресла скрипнуло. Примечание было на три слова. Адам смотрел на него минуту. Его лицо оставалось непроницаемым, только в уголках глаз залегли тени от недосыпа.

— Сейди, — сказал он.

— Что?

— Сейди, это примечание говорит «см. раздел три».

— Я знаю. — Мой голос прозвучал чуть резче, чем я планировала. Я сжала в руках шариковую ручку до побелевших костяшек.

— Это примечание ничего не добавляет к пониманию документа.

— Оно добавляет структурную связность. — Я наконец повернулась к нему, стараясь не выпустить ручку из рук.

Адам посмотрел на меня долго. Потом на документ. Потом снова на меня. В его взгляде промелькнула усталость, смешанная с глубоким, почти отеческим сочувствием.

— Пойди выпей кофе, — сказал он мягко, положив руку мне на плечо. Ткань его рубашки была прохладной. — Без ноутбука.

Я пошла выпить кофе без ноутбука. Сидела на кухне, глядя в окно на пустую парковку, где редкие капли дождя рисовали на асфальте узоры, и это помогло примерно на сорок минут. Потом пальцы снова начали нервно искать клавиатуру, даже когда я держала кружку.

Этим вечером Ханна делала то, что умела лучше всего: создавала тепло без видимых усилий. Мы сидели у неё в гостиной, я — в глубоком кресле, в котором почти утопала, она —

на полу, перебирая свои эскизы. На столе горела свеча в стеклянном подсвечнике, и её пламя чуть подрагивало от сквозняка, отбрасывая длинные тени на книги.

— Расскажи мне про самый страшный момент в проекте, — сказала она, не поднимая головы, перекладывая листы.

— Что? — я вздрогнула, вырванная из своих мыслей.

— Самый страшный. Не в смысле плохой — в смысле тот, когда ты думала: это не получится.

Я задумалась, глядя на танцующий огонёк свечи. Свечной воск стекал по стеклу, застывая причудливыми каплями.

— Первая версия алгоритма давала погрешность в четырнадцать процентов. Мы думали, что проблема в аппаратной части. Потратили три месяца. Проверяли каждый контакт, каждую пайку. Потом Элай нашёл ошибку в базовом коде — одна строчка. Лишняя запятая, понимаешь? Вот тогда я думала: если мы не нашли это за три месяца, что ещё мы не нашли. Это было ощущение полного провала, как будто земля уходит из-под ног.

— И?

— Нашли всё остальное. За следующие два месяца. Работали сутками, спали в лабе на сдвинутых столах.

— Значит, это была просто точка, — сказала Ханна, поднимая на меня взгляд. В её глазах отражалось пламя свечи. — Не конец.

— Да. Просто точка.

Ханна кивнула и вернулась к своим рисункам, шурша бумагой.

— Это ожидание — тоже просто точка. Не конец.

Я смотрела на неё — спокойную, уверенную, такую настоящую в этом полумраке.

— Ты очень прямолинейная, — сказала я, чувствуя, как напряжение в груди наконец начинает отступать, позволяя вздохнуть полной грудью.

— Я очень эффективная, — поправила она и взяла кружку, чуть улыбнувшись краем губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.